

АНТРОПОМОРФНОЕ И СУБСТАНЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ПОЭТИКЕ АКМЕИЗМА

Меркель Е.В.

Технический институт (филиал) «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри (678962, Республика Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16. merkel-e@yandex.ru)

В статье рассматриваются миромоделирующие темпоральные категории в поэтике акмеизма. Доказывается, что характеристики времени в художественных мирах Ахматовой, Мандельштама, Гумилева даются через призму антропоморфизма и субстанциализации. Показывается, как стремление к тому, чтобы запечатлеть «вещество бытия», инспирирует у акмеистов появление таких приемов, как персонификация и «овеществление» ряда абстрактных явлений, связанных с категорией времени и находящихся вне конкретно-чувственной сферы. Чаще других указанные приемы использовал Мандельштам, который создал внутренне обусловленную систему антропоморфных и субстантивированных образов, связанных с темпоральностью. Ахматова наделяла конкретной бытийностью темпоральные категории, используя такой прием, как параллелизм: интериоризуя приметы время, она проецирует их на онтологическую плоскость. Отдельные случаи антропоморфных и субстанциальных воззрений на временные ипостаси можно обнаружить и в творчестве Гумилева, который также наделял темпоральные категории «повышенной бытийностью».

Ключевые слова: персонификация, антропоморфизм, субстанциализация, время, темпоральные категории, параллелизм, интериоризация, мифологизм.

ANTHROPOMORPHICAL AND SUBSTANTIAL TIME IN POETICS OF ACMEISM

Merkel E.V.

Technical institute (branch) of the «North-Eastern federal university named after M.K.Ammosov» in Neryungri (678962, Republic of Sakha (Yakutia), Neryungri, Kravchenko St. 16. merkel-e@yandex.ru)

The article deals with the world modelling temporal categories in poetics of acmeism. It is proven that time characteristics in imaginative worlds of Akhmatova, Mandelstam and Gumiliov are represented through the lens of anthropomorphism and substantiation. The article shows the way the tendency of embodying «substance of being» inspires acmeists to use such methods as personification and «objectification» of several abstract phenomena, connected with the category of time and existing out of the specific-sensuous sphere. Mandelstam used these methods more often than others; he created internally aroused system of anthropomorphic and substantivized images, connected with temporality. Akhmatova endowed temporal categories with concrete beingness, using parallelism: internalizing features of time she projected these features in the ontological sphere. Special cases of anthropomorphic and substantial views to temporal hypostasis can be found in Gumiliov's works, who also endowed temporal categories with "increased beingness".

Keywords: personification, anthropomorphism, substantiation, time, temporal categories, parallelism, interiorization, mythologism.

Одним из главных «отмежеваний» акмеистов от символистской эстетики стало стремление вернуть в поэзию реальное (воспринимаемое органами чувств) бытие: «Задачу возвращения феноменальному миру его самоценности и взяло на себя акмеистическое движение» [3, 14]. Отсюда – не только вещная детализация, зримость и осязаемость, но и стремление к конкретной временной прикрепленности описываемых событий. Поэтику акмеизма отличает высокая аксиологичность единичного, уникального в своем роде события. Такая темпоральная установка была связана с объявленной акмеистами самоценности бытия, которое – как процесс – ставилось даже выше, чем значимость самого субъекта этого бытия: «существование вещи больше самой вещи, а свое бытие больше самих себя...» [6, т. 2, 144]. Поэтому в акмеистической эстетике происходит реабилитация реального времени, его

точечных эманаций на оси истории. Такой «овеществленный историзм» продуцировал пристальное внимание акмеистов к сущности времени, приводил к попыткам вывести эту категорию из числа абстрактных, наделив его реальными онтологическими чертами. Подобная установка в своем пределе привела к двум лирическим операциям: к субстанциализации времени, наделению его зримой, ощущаемой материальностью; а также – к антропоморфизму ряда темпоральных категорий. Генетически указанные операции восходят к мифологическому коду.

Цель исследования – определить механизмы, с помощью которых акмеисты проводили персонификацию и субстанциализацию темпоральных категорий.

Материал и методы исследования. Материалом исследования является лирика ведущих представителей русского акмеизма (О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева), в качестве базовых методов используются: семантический, структурно-типологический, интерпретационный.

Рассматривая категорию времени у акмеистов, следует отметить, что она была эксплицирована не только посредством поэтических практик, но и осмыслена в ряде теоретических работ. Так, в программной статье «Слово и культура» Осип Мандельштам выводит емкую формулу своих представлений о рассматриваемой категории: «Вчерашний день еще не родился». Символисты смотрели на время как на трансгredientную субстанцию, укорененную в неконкретной и непостижимой вечности. Акмеизм ставку делал на конкретную и чувственно явленную бытийность, смещая онтологическую аксиологию из сфер трансгredientных к посясторонним.

То, что предлагает Мандельштам для теоретического описания категорий, связанных с темпоральностью, это взгляд на протекающее как на могущее свершаться в разных системах координат. То есть свойство всех событий мира – онтологическая одновременность, поэтому в системе, где все отражается во всем, не может быть такого понятия, как анахронизм. Подобное представление о времени, по замечанию Л.Г. Кихней, «коррелирует с христианской теологической концепцией “эона”. Эон (в переводе с греч. – *век*) в христианской философии – некое “свернутое” время до сотворения мира, включающее в себя все события мировой истории, предстающие одновременно, в единой синхронической картине» [4, 32].

Как рассуждает по поводу этой категории В.Н. Лосский, ссылаясь на воззрения Максима Исповедника, «эоническая вечность стабильна и неизменна: она сообщает миру взаимосвязанность и умопостигаемость его частей <...>, эон – это неподвижное время, время – движущийся эон» [5, 233]. Таким образом, акмеисты основой своей темпоральности

объявили телеологическую связь прошлого, настоящего и будущего, построенных по принципу «сообщающихся сосудов».

Персонафикация времени может быть эксплицирована и в виде прямого обращения к нему как к полноправному субъекту диалога: «В ком сердце есть – тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет...» («Сумерки свободы», 1918); «Мне кажется, как всякое другое, / Ты, время, незаконно...» («Сегодня можно снять декалькомани...», 1931) [6]. Либо же лирический субъект объединяется с временем на основании некоей общности: «Как дерево и медь – Фаворского полет, – / В дощатом воздухе мы с временем соседи» («Как дерево и медь – Фаворского полет...», 1937) [6].

Более отчетлива персонафикация рассматриваемой категории в произведении «Как растет хлебов опара...» (1922):

Чтобы силой или лаской
Чудный выманить припек,
Время – царственный подпасок –
Ловит слово-колобок. [6]

Время здесь названо «подпаском» – то есть оно субъектно. Обратим внимание и на определение «царственный», которое отсылает нас к христологическому коду, актуализированному через монарший статус Иисуса: Он – Царь (вспомним, например, разговор с Пилатом, где Спаситель говорит об этом напрямую (Ин. 18:37)). Ключ к пониманию того, что здесь речь идет именно о царственности Христа, дан через двойной метафорический код, связанный с парой самых глубинно близких библейскому образу Иисуса понятий: Логос и Хлеб. Приложение «слово-колобок» по сути является не чем иным, как апелляцией к указанным выше понятиям.

Однако наиболее показательным в плане персонафикации темпорального стихотворение «1 января 1924» [6]. Здесь мандельштамовские представления о времени-субъекте развернуты в целую картину, где один за другим следуют его антропоморфные признаки. Во-первых, время телесно, по крайней мере, у него есть голова: «Кто время целовал в измученное темя». Во-вторых, ему свойственен такой атрибут живого, как сон: «спать ложилось время», конкретизация «в сугроб пшеничный» косвенно указывает и на телесность времени. Далее следует фраза уже как бы не о всей темпоральной протяженности, а только о ее столетнем отрезке: «Кто веку поднимал болезненные веки / Два сонных яблока больших». Правда, понимать этот образ можно максимально широко: век – как эпоха, а в соотношении с зонической темпоральностью не будет натяжкой соединить «время» и «век» в качестве членов единой инвариантной парадигмы. Обратим внимание и на то, что Мандельштам здесь играет на омонимии форм в словах «веко» (телесная семантика) и «век»

(временная семантика). Телесная конкретизация времени продолжается ниже: «Два сонных яблока у века-властелина / И глиняный прекрасный рот».

Таким образом, перед нами развернутая антропоморфная метафора, в которой время (век) олицетворяется преимущественно за счет телесной семантики, к которой подключена и субъектная процессуальность, то есть рассматриваемая категория выступает в качестве актанта с явными «одушевляющими» коннотациями.

Время также может оборачиваться природной субстанцией, овеществляясь силой мандельштамовской метафоры. Например, в стихотворении «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920) время-земля встроено в субстанциональный ряд, в котором не хватает только стихии огня: «Словно темную воду, я пью помутившийся воздух. / Время вспахано плугом...» [6]. Обратим внимание на наличие в микроконтексте и воды, и воздуха, и земли-времени. Объяснение этих строк можно отыскать в статье Мандельштама «Слово и культура», где он представляет поэзию в виде плуга, который вскрывает время, вынося его потаенные пласты наверх, то есть создавая своеобразный «эонический эффект». Кстати, соотносительность времени с плугом Мандельштам пронесет через все свое творчество. Например, в 1937 году он напишет: «Он эхо и привет, он вежа, нет – лемех. / Воздушно-каменный театр времен растущих» («Где связанный и пригвожденный стон?») [6].

Будучи вещественной субстанцией, время у Мандельштама способно вступать в различные отношения с чувственно воспринимаемой вселенной. Так, оно может заменить собой «певучий воск»: «И грубому времени воск уступает певучий...» («Когда городская выходит на стогны луна...», 1920) [6]. Однако время может быть не только грубым, но и острым (здесь вспоминается уже названное нами отождествление его с плугом): «Холодок щекочет темя, / И нельзя признаться вдруг,- / И меня срезает время, / Как скосило твой каблук» («Холодок щекочет темя...», 1922) [6]. Аналогичный образ появится у Мандельштама годом позднее: «Время срезает меня, как монету, / И мне уж не хватает меня самого» («Нашедший подкову», 1923) [6].

Время в качестве карающей субстанции окажется у Мандельштама связанным и с другим темпоральным образом, имя которому «век». Программным в этой связи становится произведение «Век» (1922), в котором рассматриваемая категория представлена в виде зверя с разбитым позвоночником. Как это часто бывает у Мандельштама, он дает целый каскад типологически сходных с заглавным образом метафор, которые должны раскрыть различные грани ключевого понятия. Причем здесь обнаруживается различная лирическая фокусировка: то век сам является зверем с разбитым позвоночником, то он сужается до единого позвонка: «кто... свою кровью склеит / Двух столетий позвонки?» [6]. Такое отождествление части и

целого – узнаваемый мифологический ход: в реликтовых текстах также часть целого была равна целому.

Образ века-зверя появляется у Мандельштама с относительной частотой. Например, в «Нашедшем подкову»: «Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы» (речь идет о монетах – «медных, золотых и бронзовых лепешках») [6].

Сквозным для поэтика Мандельштама становится и образ «века-волкодава» (см. «Ночь на дворе. Барская лжа...», «За гремучую доблесть грядущих веков...»). Здесь уже «порода» зверя уточняется, притом, что уходят коннотации, связанные с болезненностью, немощью, ущербом рассматриваемого образа. В тридцатые зверь уже «исцелел», и уже не он оказывается жертвой, а сам лирический герой.

Что же касается субстанциальной и антропоморфной семантики, связанной с темпоральными категориями у Ахматовой, то здесь на первый план, особенно в раннем творчестве, выходит такой прием, как параллелизм. Этот прием устанавливает связь лирического сознания не только с природно-вещным миром, но и со временем, инспирирующим то или иное состояние данного мира. Таким образом, Ахматова создает специфическую разновидность параллелизма, имеющего не только субстанциональную, но и процессуальную (временную) природу. Для раскрытия психологических глубин героини широко используются темпоральные приметы, чаще всего именно они являются своеобразным «прологом» к собственно лирической части стихотворения. Получается, что три сферы: субстанциональная, темпоральная и психологическая оказываются изоморфными, нередко являясь репрезентантами друг друга. Преимущественно это взаимопроникновение коренится в специализации: именно пространственность становится у Ахматовой той основой, на которой базируются вещно-вещественное и временное. Это – характерно акмеистический ход, ведь в данном литературном течении одним из базовых принципов становится внимание к чувственно-конкретному с тяготением к осязательному: «мерой времени становятся вещи» [4, 30].

Нередко слова, выражающие временную протяженность, связаны с ментальной сферой: не с бытием мира, а с сознанием лирической героини или ее возлюбленного – словно человеческая жизнь больше, чем время существования вещного мира: «Здесь мой покой навеки взят», «Влюбленный в меня навсегда», «Навсегда мой голос затих». Вероятно, именно в связи с такой антропоморфностью вечности, из-за интериоризации всего темпорального одной из важнейших категорий у ранней Ахматовой становится память.

Тема памяти обозначается в «Вечере» и развивается в «Четках» («Покорно мне воображенье...», «Голос памяти», «Память о солнце в сердце слабеет...»). При этом память здесь является как личной («И мальчик, что играет на волынке...»), так и культурной (цикл

«В Царском селе»). Категория памяти является связующей нитью между прошлым и настоящим, она онтологизирует минувшее, наделяет его конкретным (почти вещественным) бытием. Достаточно часто речь идет о любовных переживаниях, к которым лирическая героиня обречена снова и снова:

...память яростная мучит,
Пытка сильных – огненный недуг!
«И когда друг друга проклинали», 1909. [1]

По мере развития лирической системы Ахматовой время все больше соотносится с категорией памяти, которая понимается как «оживленное прошлое». Именно воспоминания становятся тем сакральным «пространством», которое, как и миф для носителя «мифологического сознания», является реальностью, гораздо более значимой, напряженной, в конечном счете – истинной, чем эмпирическая действительность. Так, в сборнике «Тростник» тема «оживленного времени» оказывается одной из ключевых. В стихотворении «Надпись на книге» поэтически поясняется смысл заглавия сборника: память – это звучащий тростник, повествующий о событиях прошлого.

Что же касается творчества Николая Гумилева, то здесь антропоморфные и субстанциональные представления о времени встречаются не так часто. Самым ярким примером может быть названо стихотворение «Канцона вторая» («И совсем не в мире мы...»), где присутствует представление о темпоральных категориях, как о вещественных. Время как субстанция наиболее показательно явлено в четвертой строке первого катрена:

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира среди теней.
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней. [2]

Дни лета представлены в виде страниц, значит – логически продолжим гумилевскую метафору – само лето является книгой? Однако в третьей строке сказано, что оно «сонно перелистывает». Оба слова связаны с категорией субъектности, по сути, - они персонифицируют лето, наделяя его антропоморфными чертами.

Во втором четверостишии олицетворяется уже само время – за счет брака с маятником, а также – секунды, приобретающие телесный облик:

Маятник, старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам-секундам рубит
Головы хорошенькие их. [2]

Связь времени с образом *головой* отчетливо была явлена в творчестве Мандельштама, но, как мы видим, и поэтика Гумилева не чужда такому соотношению.

Антропоморфные принципы создания образа времени наглядно проявлены и в стихотворении «Ольга»: «Год за годом все неизбежной / Запевают в крови века...» [2].

Иногда у Гумилева можно найти и овеществление категории времени:

Не прикован я к нашему веку,

Если вижу сквозь бездну времен. («Египет», 1921).

Время тихо, как веретено

Феи-сказки дедовских поверий.

«Открытие Америки» (1910) [2].

Выводы

Таким образом, для того чтобы запечатлеть само «вещество бытия», акмеисты нередко прибегают к таким приемам, как персонификация и «овеществление» абстрактных явлений, находящихся вне конкретно-чувственной сферы. Чаще других указанные приемы использовал Мандельштам, который создал внутренне обусловленную систему антропоморфных и субстантивированных образов, связанных с темпоральностью. К наиболее частотным здесь следует отнести образы времени и века.

Ахматова наделяла конкретной бытийностью темпоральные категории, используя такой прием, как параллелизм: интериоризуя приметы время, она проецирует их на онтологическую плоскость. Овеществляться у поэтессы может и память за счет повышенной аксиологичности данной категории. Отдельные случаи антропоморфных и субстанциальных воззрений на временные ипостаси можно обнаружить и в творчестве Николая Гумилева, который также наделял темпоральные категории «повышенной бытийностью».

Список литературы

1. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. / сост., примеч. М. М. Кралина. – М.: Изд-во «Правда», 1990.
2. Гумилев Н. С. Сочинения: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1991.
3. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. – М.: МАКС-Пресс, 2001. 183с.
4. Кихней Л. Г. Эоническое и апокалиптическое время в поэтике акмеизма // *Le temps dans la poétique acméiste*. Lyon, – Lyon III-CESAL, 2010. P. 29-59.
5. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.

6. Мандельштам О. Сочинения: в 2 т. / сост. Нерлера П.М., Аверинцева С.С. – М.: Худож. лит., 1990.

Рецензенты:

Кихней Л.Г., д.фил.н., профессор кафедры истории журналистики и литературы ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, г. Москва;

Гавриков В.А., д.фил.н., доцент кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала РАНХиГС, г. Брянск.